

СИНДРОМ БЕЗРОДНОСТИ

Александр Шувалов,
кандидат
психологических
наук

Последние годы медики и психологи бьют тревогу — словно снежный ком растёт число ребятишек с так называемым «пограничным состоянием психики». В их эмоциях и поведении нет психологической понятности, поступки противоречат здравому смыслу, а сами дети либо не осознают это, либо признаются, что не в состоянии управлять собой.

Можно сказать, что возникли совершенно новые формы психологических отклонений, которые психологи только начинают распознавать и осмысливать. Если говорить о современных тенденциях, то первая, на мой взгляд, связана с притуплением способности к сопереживанию. Я называю это явление комплексом безродности. Крайние проявления безродности характерны для «синдрома Маугли» и «социального сиротства». Речь идёт о детях, которые в раннем возрасте оказались лишены человеческой заботы и одичали. И о детях-бродяжках, обитающих в подвалах или на вокзалах. В этих случаях очерствение души — это одно из условий выживания ребёнка в нечеловеческих условиях. Но и с социально благополучными детьми всё не так уж благополучно. Эта разрушающая душу тенденция не миновала и их. Связана она с разрывом и разобщением связей между поколениями. Проявляется комплекс безродности в чрезмерном своенравии и душевной скупости, утрате чувства здоровой сентиментальности по отношению к окружающим людям, включая родных и близких. Эти особенности с той или иной степенью выраженности мы наблюдаем у значительного числа наших подопечных.

Австрийский психиатр Виктор Франкл называл «экзистенциальным вакуумом» состояния взрослых людей, не видящих в своей жизни смысла. Сейчас нечто подобное можно заметить и среди детей. Я бы назвал это комплексом опустошённости, который проявляется в апатичности, скептицизме, скудности и приземлённости интересов, за которыми возникает и моральная распушенность. Есть такой сказочный образ, который хорошо иллюстрирует внутреннюю опустошённость — Кай в царстве Снежной Королевы. Это мальчик, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала. Его сердце «оледенело», то есть стало невосприимчивым к истинному, доброму и прекрасному. Его внутренний мир опустел. Специалисты замечают, что современные дети стали менее романтичны. Это тоже одно из проявлений опустошённости.

Всё дело в ориентации общества на вещные блага как на главное мерило качества жизни. Неискушённые, неокрепшие юные души податливы и пластичны, поэтому нравы, царящие в обществе, незамедлительно накладывают свой отпечаток на психологию детей. Это прослеживается на примере следующей тенденции, которая закономерно продолжает две предыдущие. Там, где возникает экзистенциальный вакуум, начинают разрастаться деструктивные проявления, которые в своих организованных формах образуют антикультурную среду. К явным формам антикультуры можно отнести криминальные группировки, экстремистские организации, тоталитарные секты, порноиндустрию и проституцию, среду употребления и сбыта наркотиков. Дети, попадая под влияние суррогатных ценностей, оказываются втянутыми в те или иные антикультурные течения. На бытовом уровне ценностно-смысловая дезориентированность часто проявляется в радикальности взглядов, категоричности суждений, ожесточённости и враждебном настрое.

В сказке Снежной Королевы не составило большого труда «пленить» самонадеянного Кая. А хорошие сказки — это одновременно и отражение жизни, и предостережение на будущее.

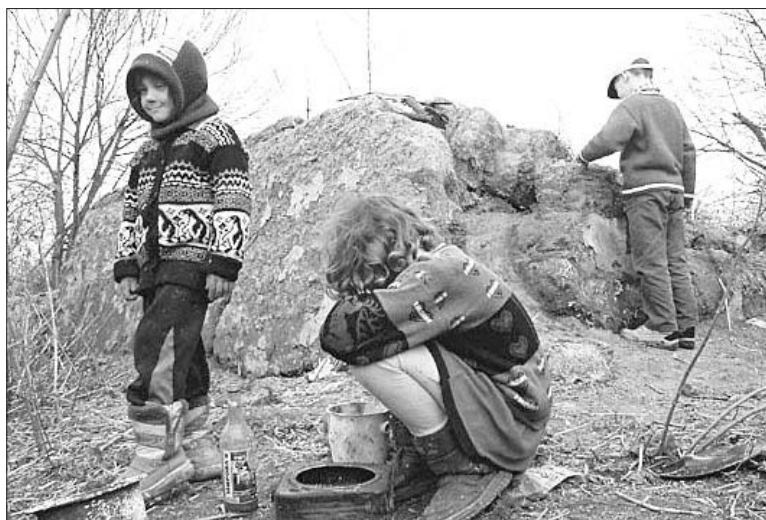
Но есть и немало более «стёртых», менее асоциальных случаев, которые условно можно назвать культурами. Например, культ достатка и стяжательства, вещизм. Подросток может переживать как личную драму то, что его мобильный телефон не престижной модели, его одежда — «не актуальна». Или, скажем, что он не справляет свой день рождения в модном клубе. Да, любой ребёнок, особенно подросткового возраста, хочет выглядеть «не хуже людей», хочет соответствовать неким социальным стандартам. И когда в качестве эталона ему предлагают тот же культ престижных вещей, он подчиняется этому... как нормальный человек. К сожалению, это не парадокс, а ещё одно свидетельство того, что жизнь неумолимо усложняется и подбрасывает нам извечные проблемы в новом, более изощрённом виде. Тем более мы должны понимать, что подобные установки и убеждения деформируют личность, препятствуют развитию качественных, дружелюбных, уважительных отношений между людьми. В этом ряду — культ комфорта и гедонизм (тяга к наслаждениям, стремление к «красивой» и безмятежной жизни), культ успеха и карьеризм, культ силы и конкурентность, культ рациональности и циничный прагматизм. На этой почве пополняются и клинические группы от уже известных одержимых работой «трудоголиков» до весьма экзотичных «шопинг»-зависимых (другое название: «магазинный невроз» — страсть к бессмысленным и фактически ненужным покупкам по принципу «я покупаю — значит я существую»).

Интересно, что должностная инструкция предписывает педагогам-психологам заниматься «профилактикой возникновения социальной дезадаптации детей и подростков». По моему же мнению, есть основания говорить о психологическом здоровье детей не благодаря, а вопреки тенденциям современной общественной и культурной жизни в нашей стране. В новых условиях понятие

«контролируемая неадаптивность» приобретает новый, позитивный смысл, например, как устойчивость к воздействиям средств массовой информации, рекламы, PR-технологий, как проявление личной позиции.

Что касается проблемы нормы или нормальности, то это, прежде всего, вопрос о том, что делает человека человеком, а что препятствует этому. Попраirie духовных ценностей в погоне за славой, богатством и властью, за молоджавостью в народных преданиях всегда расценивалось как тягчайшее падение человека, его сделка с «нечистой силой».

Корни всего происходящего нужно искать в отношениях «родители — дети».

Ребёнок, который в своей семье не чувствует себя одиноким, уже защищён от комплекса «белой вороны», как бы он себя ни вёл. И к реакции окружающих на свои поступки такой ребёнок относится гораздо более спокойно. К слову, скрытая природа вещизма — это компенсация ущербных отношений с близкими. Воспитание в любви и достоинстве — условие психологического благополучия современных детей. Конечно, взрослым необходимо определяться с ценностными приоритетами в воспитании. Если хотя бы в семье они вняты и неразрывны с образом жизни, ребёнок будет более устойчив к искушениям.

Можно возразить, что в подростково-юношеском возрасте семья уходит на второй план, а на первый выходит общение со сверстниками, отношения с противоположным полом. Но к этому возрасту мировоззренческий фундамент, как правило, уже заложен. Приближается время самостоятельного выбора, определения собственных предпочтений. Если в семье прочные отношения и доброжелательная атмосфера, если старшие сумели своевременно перестроиться и, сохранив контакт с младшим, стать для него интересным собеседником и доверенным лицом, это уже

немало. Подростки вполне самостоятельны в своих взглядах и оценках. Если они были приобщены к верному и доброду, если существует устойчивая духовная связь с родителями — это самый сильный фактор, оберегающий подростка от пагубы.

Комплекс безродности, опустошенности, ценностно-смысловая дезориентированность — всё это чрезвычайно грустно. Но самое грустное, я бы даже сказал страшное, не в этом, а в том, что эти тенденции, эти комплексы сегодня недооценивают взрослые, потому что тенденции не очевидны в своих проявлениях, а их последствия чаще бывают отсрочены во времени — как в отношении само-

го взрослеющего человека, так и в отношении окружающих его людей.

Начну с опустошенности. Она рано или поздно приводит к падению жизнеспособности: сначала это — меланхолия, потом — депрессия, общее снижение тонуса и интереса к жизни, вплоть до суицидального поведения. И всё потому, что нет того, ради чего стоило бы жить, чему хотелось бы отдавать свои силы, нет того, чему стоило бы служить.

Прямые же последствия «комплекса безродности» — это чувство одиночества. Причём не ситуационного одиночества, которое может посетить каждого, а постоянно сопровождающее человека, становящееся доминантой его мироощущения и не дающее ему возможности почувствовать себя счастливым, то есть причастным к жизни других людей — как ближних, так и дальних. Такие люди пытаются заглушить свою внутреннюю одиночку алкоголем, наркотиками, стяжанием, азартными играми, блудом и тем самым медленно уничтожают себя и физически, и духовно. Ведь «счастье» по-старославянски — это соучастие, встреча...

В этом случае человек занимает разрушительную позицию уже не только и не столько по отношению к собственной жизни, сколько по отношению к жизни вообще, становится «агентом», проводником антикультуры, живёт и действует по принципу «ничего святого» — за счёт других, в ущерб другим, против других. Он становится, как это можно сказать по-церковнославянски, окаянным, то есть каиноподобным, подобным первому человекоубийце.

Но хочу напомнить, о чём Ф. М. Достоевский писал в «Братьях Карамазовых»: «Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное ещё из детства, из родительского дома: если набрать таких (добрых) воспоминаний с собой в жизнь, то спасён человек на всю жизнь, но и одно только хорошее воспоминание, оставшись при нас, может послужить нам во спасение». **НО**